

Вводная глава

КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕСУРС И ГАРАНТ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Настоящая публикация имеет своей базой разработки, которые на протяжении трех с половиной лет (1992-1995 гг.) велись в рамках инициативного научного проекта под девизом познания качества населения Санкт-Петербурга. Проект не остался незамеченным. Он был поддержан Российским Фондом Фундаментальных Исследований (1993 г.) и Российским Гуманитарным Научным Фондом (1994-1995 гг.). Замысел проекта и промежуточные результаты подробно освещены в научных публикациях. [1], [2], [3], [4].

Подводя на этот раз итоги исследованиям, полезно вернуться на исходные рубежи и кратко проследить весь путь научного поиска. Начнем ретроспективу с целей проекта. Они состояли в том, чтобы предложить теорию и методы сбора и анализа обоснованной информации, позволяющей оценивать ресурсы человеческих возможностей для переживания кризисных явлений. Выбор темы проекта был продиктован велениями времени и являлся закономерной реакцией научного сознания на острейшие социальные проблемы, возникшие в момент перехода российского общества к новым социально-экономическим условиям. Исторический шанс России выйти на путь свободного экономического, культурного и политического развития и процветания мы решили поставить в прямую зависимость от некоего гипотетического, до сей поры неисчисленного объема человеческих ресурсов, от величины «витальной силы», которой можно было измерить созидательный потенциал индивидов, составляющих наше общество. Переход к демократии, рыночной экономике оказался нелегким, если

не сказать мучительным, и затянувшимся против эйфорических ожиданий, стимулированных началом периода перестройки и гласности. Этот переход уже сейчас зримо сопровождается неудачными попытками, срывами, волнами социального отчаяния и другими проявлениями социальной патологии. В таких обстоятельствах вполне естественным и необходимым явилось намерение обратиться к вопросам социальной жизнеспособности, синонимом которой является адаптивность численно больших групп населения (общностей) к макросоциальным условиям и их изменениям.

Как известно, философы понимают под качеством существенную определенность объекта (явления), благодаря которой один объект строго отграничивается от другого. В нашем случае речь должна была пойти о качестве народонаселения — непрерывно возобновляющейся в процессе воспроизводства жизни совокупности людей, живущих на Земле в целом или какой-либо ее части. Единство биосоциальной природы человека позволило отнести к качеству населения биологические свойства людей, от которых зависит смена одних поколений другими, а также надбиологические связи и характеристики, обеспечивающие непрерывное производство средств к жизни и развитие всей системы общественных отношений. Дальше было логично объявить сферой социологических интересов ту часть надбиологических свойств, что приспособливает человеческую энергию к вызовам времени, цивилизации, к императивам развития данной социально-экономической системы. Конечно же, эта часть указанных свойств зависит от биологической природы, но прежде всего она порождена социальной жизнью, языком, системой ценностей, влиянием широко понимаемой культуры. Дефиниция качества населения, принятая в программе нашего исследования, опирается прежде всего на приведенные рассуждения. Бесспорной нам представилась и связь качества населения с центральными характеристиками, определяющими уровень цивилизованности людей, меру их готовности и способность жить, сообразуясь с нормами современной цивилизации.

На пути к познанию качества населения коллектив авторов проекта не был одинок. Примерно в той же генерализующей парадигме последнее время работали ряд видных ученых и научных сообществ. Сошлемся прежде всего на социальных демографов. От относительно узкого, чисто воспроизводственного понимания качества населения они ушли, поставив вопросы «качественного состояния человека, его интегральных характеристик применительно ко всему населению» [5,3]. В какой мере человек готов стать в центре общественных преобразований как субъект и объект социальных действий и процессов? Насколько велик урон, нанесенный генофонду страны и что из себя представляет «человеческий материал», которым располагает сегодня Россия? Насколько деформирована структура населения во всех сферах человеческой жизнедеятельности?

База новой демографической версии качества населения помогает преодолеть влияние количественных подходов, согласно которым популяции рассматривались как сплошные недифференцированные массы. Мировая наука затрагивала проблемы качества населения лишь в связи с оценками вложений в человеческий капитал. Ныне демографы считают, что качественные характеристики населения двойственны по своей природе. Они, с одной стороны, являются ресурсом общества (и потому должны рассматриваться в качестве объекта поддержки, например, помощь слабым); с другой стороны, их следует понимать как собственность каждого отдельного человека (которая должна иметь надежные правовые гарантии). Сюда демографы включают физическое, психическое и социальное здоровье; образование и квалификацию или интеллектуальный уровень; культуру и нравственность, индикатором которых предлагается рассматривать социальную активность. Система измерения компонент качественных состояний населения предусматривает сбор статистических данных по регионам и организацию своеобразного мониторинга и прогнозирования изменений компонент по отобранным показателям.

Согласно позиции Ю.А.Левады, прочность «человеческого

материала» определяет ресурсы стабильности общества, способность населения и общества в целом к переменам и к сопротивлению переменам [6,218]. Исследования общественного мнения, если они проводятся по широкому спектру вопросов, охватывая наиболее существенные грани отношения человека к миру и с миром, к обществу и с обществом, к другим людям и с другими людьми, с самим собой и к самому себе, позволяют конструировать интегральные представления о людях той или иной эпохи как социально-антропологических типах. Одним из таких типов был советский человек, рожденный «титанической фантазией» большевистского режима, пытавшегося заниматься коррекцией человеческой природы и потому также опиравшегося на своеобразное представление о чертах советских людей, которые должны быть им привиты всем содержанием общественной жизни [7,10-11]. Другое дело, что попытки изменить человеческую природу обернулись пренебрежением ею. Идеалу, который конструировался из лучших человеческих достоинств, не было суждено воплотиться. В реальной жизни преобладали бюрократы, советские спецы и безгласная народная масса, наделенные, к слову сказать, присущей им качественной определенностью.

Одно из последних исследований в близкой нам области ставит проблему качества населения как замыкающего ресурса развития [8,439]. По мере того, как общество, опирающееся на информационные и интеллектуальные технологии, обретает черты реальности, в роли условия завершающего процесс становления такого общества, начинает выступать «человеческий» капитал. Ценность этого капитала определена качествами людей, ставших объектом вложений, прежде всего их образованием (знаниями) и квалификацией (умением).

Понимание качества населения, принятое авторами проекта, связывается с теми свойствами людей, которые позволяют данной общности (населению) пережить переломные периоды истории. Повороты, изгибы, зигзаги

истории — вот объективная почва для актуализации понятия качества населения.

Работа по проекту распадается на несколько частей.

А. Пилотаж проблемы и начальная стадия проекта (1992 г.)

Старт оказался весьма удачным. Опираясь на большое число источников информации (оригинальные данные и вторичный интенсивный анализ широкого круга социологических, демографических, медико-биологических и др. сведений), удалось заложить основы концепции изучения качества населения и, сверх того, эмпирически обосновать отдельные разделы и блоки этой концепции [1].

Один из выводов состоял в следующем. Противоречия между цивилизационным и этнокультурным началом не ведут к неразрешимым, тупиковым ситуациям. Исторически неизбежные радикальные изменения характера и ценностей трудовой, прежде всего, деятельности вследствие перехода к рыночной экономике не должны разрушать этнокультурное своеобразие изучаемого населения [2,137-138]. Регуляторами социального поведения и вербальных реакций на радикальные социальные изменения и реформы являются синдромы социальных свойств людей, их установок, разделяемых ими ценностей и норм, имеющих статус социально-культурных образцов («паттерны»). Информация, которая была получена, позволила уверенно говорить о российском происхождении этих образцов, равно как и о доминировании общенациональной окраски социального тонуса населения С.Петербурга [2,152]. Наиболее важной представляется здесь позиция массы населения по отношению к традиционной альтернативе «Восток—Запад». Лишь малая часть респондентов связывает сегодняшний путь развития страны исключительно с «западным» (9%) или «восточным» (13%) вариантом. Для большинства жителей Петербурга этот путь особый, т.е. «российский» (60%). Естественно и логично, что и современную русскую культуру три четверти опрошенных считают особой. Эти данные послужили базой для

уверенной формулировки ВТОРОЙ гипотезы основного исследования в рамках проекта (см. гл.1 в настоящей книге): русская этнокультура сохраняет в целом свою специфику и не растворяется в американской или западно-европейских нациях (см. табл. 1).

Еще один вывод состоял в том, что изучение качества населения погружено в многопроблемное поле, поскольку речь идет о системе «социальная среда обитания — население Санкт-Петербурга». Опора на представление о системе имела эвристическое значение. Равновесие системы (в программе мы намеренно использовали понятие о гомеостазисе) оказалось зависящим от процессов, которые характеризуют приспособление населения к требованиям широко понимаемой социальной среды обитания. Правда, возможности такого приспособления далеко небезграничны, но главное, что они могут рассматриваться как функция качества населения независимо от того, имеем ли мы дело с биологической природой человека, с тем, что он получает от рождения, или с благоприобретенными в результате социализации свойствами. Отсюда глубокая трансформация России и тренды в изменениях наиболее важных (наиболее актуальных для данного периода времени) характеристик людей находятся в отношениях некоторого взаимного соответствия, значение которого необходимо определить. Попытка оценить это значение показала, что толерантный к вызовам цивилизации русский этнос находит выход из кризисной ситуации с большим напряжением. Прежде всего был надежно зафиксирован высокий уровень социального стресса [2,153]. Основу доминирующих социальных чувств на протяжении нескольких месяцев, предшествовавших опросу, составили тревога и разочарование. Отсюда и характерная структура механизмов преодоления стресса: установка «на борьбу» лишь у одной четверти выборки, пассивно-выжидательная реакция — у второй и т.н. ретропульсивный тип реакции (своеобразное отстранение, если не бегство от действительности) — у половины опрошенных. Это позволило сделать вывод о низкой эффективности

Таблица 1. Социально-культурные образцы («паттерны») отношения к западной модели развития (в % к числу опрошенных, N=1044 чел., ноябрь 1992 г.)

«паттерн»	%
РЕАЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ И РЫНКУ — ОЦЕНКА ЦЕЛИ	
— реально	42
— нереально	33
— затруднились дать ответ	25
ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОГО СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ДЛЯ РЕФОРМ	
— до 5 лет	13
— до 10 лет	28
— до 25 лет	28
— до 50 лет	12
— свыше 50 лет	19
СООТВЕТСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЫНКА «РУССКОМУ ХАРАКТЕРУ»	
— соответствует	29
— не соответствует	40
— затруднились дать ответ	31
СООТВЕТСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЫНКА «ПЕТЕРБУРГСКОМУ ХАРАКТЕРУ»	
— соответствует	38
— не соответствует	30
— затруднились дать ответ	32
СЕГОДНЯШНИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ...	
— западный	9
— восточный (развивающиеся страны)	13
— особый российский	60
— затруднились дать ответ	19
ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
— западная	8
— восточная	1
— особая, отличная от обеих	73
— затруднились дать ответ	18

адаптации к имеющим место изменениям. В подобных ситуациях часть населения обязательно характеризуется истощением ресурсов. Ее адаптационный потенциал будет близок к нулю при отсутствии социальной защищенности. Еще одна часть населения демонстрирует резистентность (сопротивление) кризисным явлениям. Ее можно считать адаптированной к социальной ситуации, но лишенной способности подняться над обстоятельствами. Наконец, третья часть населения демонстрирует мобилизацию защитных сил. Однако она находится, как правило, в меньшинстве. Данный вывод оказался инвариантным по отношению к таким сферам как экономика, труд, политика. В любой из них отчетливо просматривалась дихотомия двух моделей поведения и отношения к действительности. Модель А состояла в поисках помощи и поддержки, модель Б предполагала самостоятельные действия и высокую ответственность самого индивида за поиск выхода из кризисных условий. Доли населения (речь о носителях той или иной модели) будут меняться при переходе от одной сферы к другой. Здесь сказывается совокупный экзистенциальный опыт разных групп населения, точнее — различия в нем.

Б. Параллельные разработки (1993 г.)

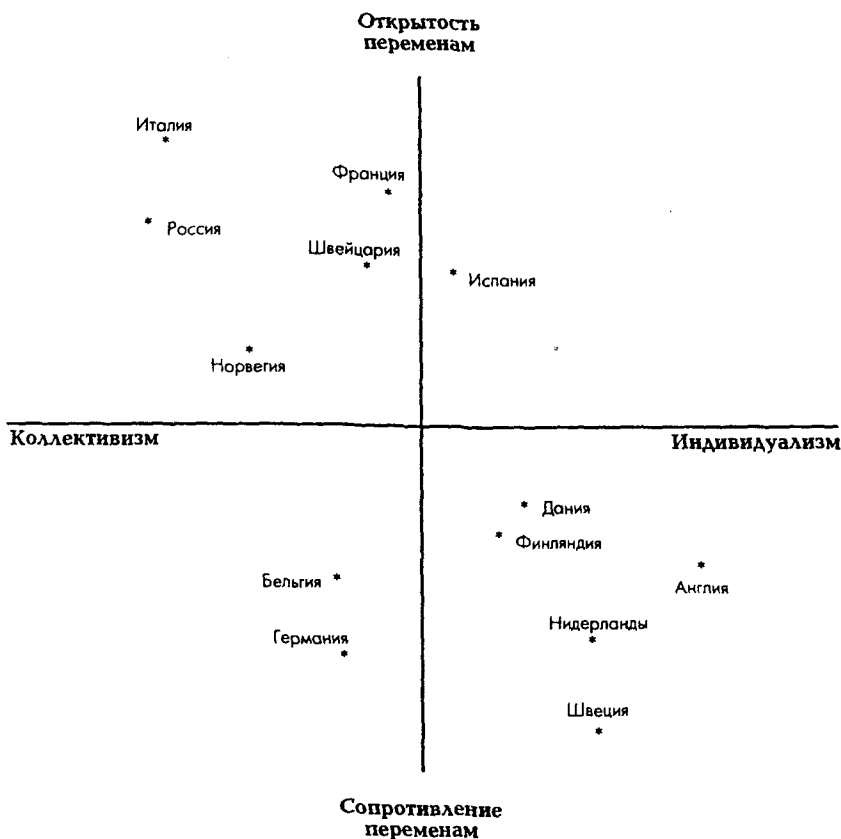
Ограниченность ресурсов не позволяла проверить все главные гипотезы в одном исследовании. Для подтверждения ПЕРВОЙ гипотезы (базовые этнокультурные ценности населения неантагонистичны вызовам цивилизации) было решено воспользоваться данными Международного проекта «Ожидая изменения в Европе». В их сборе и обработке на территории России непосредственное участие принял д.ф.н. Б.З. Докторов [2,148-150], [3]. Он получил возможность сравнить ценностные ориентации россиян с базовыми ценностями населения стран Западной Европы. Опуская доказательства надежности сопоставления [3,6-8], перейдем к наиболее существенным для нас результатам.

Семантическое пространство, в котором размещаются характеристики различных социокультурных общностей (на-

селение европейских стран, включая Россию) задается двумя ортогональными осями. Вертикальная ось имеет два полюса: север — «Открытость переменам» и юг — «Соппротивление переменам». Горизонтальную ось следует понимать как континуум, к западному концу которого тяготеют индивиды (группы, страты), придающие большое значение внешним социальным нормам, ориентациям на коллективистские начала и потребности; их антиподы, собирающиеся на противоположном, восточном конце оси отдают предпочтение индивидуальным (или узко-групповым) интересам, исходят при этом скорее из собственных нужд и потребностей. Место России в этом пространстве (см. рис.1.) специфично и даже уникально, как впрочем специфично и уникально место любой другой страны, включенной в выборку. При этом Россия не выбивается из общего фона: ее социокультурное своеобразие не выходит за пределы социально-культурного пространства, в котором размещаются ценности народов других стран Западной и Восточной Европы. Да, среди населения России высока, к примеру, доля «коллективистов», но она близка к квоте «коллективистов» в Италии. Российский менталитет во многом не схож с английским, он качественно отличен от менталитета населения Германии, а по целому ряду признаков близок к менталитету романских народов. Свое социокультурное лицо не мешает тем не менее России пребывать в пространстве современной европейской культуры и техногенной цивилизации. Сам факт того, что российская идентичность опирается на ценности целостности восприятия мира, чувство общности и вовлеченность в социум, подчеркивает особенность этой идентичности на каждом новом витке цивилизации.

Остается дополнить эти важные выводы замечанием о специфике ценностных ориентаций населения самых крупных городов России (информационная база позволила сопоставить в языке международного сравнительного анализа городское и сельское население Европейской части России) [2,149-150].

Рис. 1. Россия и страны Восточной и Центральной Европы на социокультурной карте

Жители Москвы и Петербурга больше, чем другие категории горожан и сельских жителей, стремятся к самопроявлению и самовыражению, не выходя за «красные флажки» преобладающих в обществе правил, норм и обычаев. В их позициях заметно выделяются предпочтение,

оказываемое мягким формам социального контроля, и отрицание рутины. Еще одна важная особенность — более высокая, чем у жителей небольших городов и сельской местности, способность противостоять неопределенным и сложным ситуациям. Население теперешней и бывшей столиц демонстрирует самый высокий уровень адаптивности. Еще одно тонкое наблюдение — более заметное выражение причастности к истории своих городов, понимания уникальности прошлого и настоящего Москвы и Санкт-Петербурга.

Конечно, всеобщий кризис советской системы породил специфические реакции российского населения: повышенную потребность во всех видах социальной безопасности, экономической прежде всего. Еще одна черта — повышенный страх (в сопоставлении с населением Европы) перед насилием, вызванный ростом криминогенных проявлений, а также неготовность к переменам, особенно если они носят масштабный характер. Ряд исследований последнего времени свидетельствуют, что даже люди, иницилирующие перемены, часто оказываются в состоянии растерянности, когда жизнь опрокидывает предлагаемые ими умозрительные схемы. Но если неготовность к переменам типична для населения реформируемой России, то все же легче всего с этими трудностями справляется население Москвы и Петербурга (здесь имеет место опережающее развитие рынка, а сама городская среда предоставляет относительно расширенные возможности для выбора стратегии выживания и приспособления к радикально изменяющимся социально-экономическим условиям).

В. Базовое эмпирическое исследование проекта (вторая половина 1993-1995 гг.)

Результаты этого исследования составляют основу настоящей публикации. Оно опирается на программу (см. гл.1), а также на специально разработанную методику «Человек в изменяющемся мире». Опрос на основе этой методики проводился в конце декабря 1994 г. — начале января 1995 г. Опрошено 710 человек. Выборка отражает структуру взрос-

лого населения Санкт-Петербурга по полу, возрасту и образованию (подробные сведения об организации опроса и бланк анкеты приведены в приложениях №№ 1,2).

Несмотря на большое культурологическое значение первой и второй гипотез исследования, авторы проекта предпочли уделить внимание ТРЕТЬЕЙ (она связывает вызовы цивилизации с базовыми ценностями населения крупного российского города, каким является Санкт-Петербург) и особенно ЧЕТВЕРТОЙ гипотезе (согласно которой должны наблюдаться контрасты и значимые различия в том, как разные группы воспринимают цивилизационные вызовы).

В этом последнем случае речь идет о расслоении бывшего советского общества, когда одна часть населения продолжает оказывать предпочтение жизни в условиях развитого социализма, а другая — борется за радикальное обновление, либерализацию, если прибегать к политизированному языку. Считая советский режим обреченным на историческое поражение, мы не можем не считаться с живучестью советской ментальности. Отсюда выражение «уходящая натура» кажется вполне релевантным переживаемой ситуации, когда советское общественное устройство сходит с исторической арены, но «гомо советикус» не исчезает и ищет себе, по прозорливому замечанию Ю.А.Левады, прибежище в тени, в развалинах распределительной экономики и номенклатурной кадровой системы. Наши данные, хотя и не являются в указанном смысле исчерпывающими и всеохватными, позволяют увидеть, каким образом, в каких слоях социальной и демографической структуры населения города и с какой скоростью происходит расставание с прошлым.

Мир «*homo sovieticus*» не рассыпался на части подобно берлинской стене. Венгерские социологи в «пробном» выпуске сборника «*Korridor*» [9, 11-12] поставили вопрос о своеобразной контр-цивилизации, которая еще недавно в советскую пору определяла видение мира, культуру труда и повседневную жизнь восточно-европейского человека. Черты этого человека были во многом окрашены в национальные

цвета (напр., «homo kadagicus» заметно выделялся на фоне себе подобных склонностью к сделкам, нацеленностью на потребление и был «полуобуржуазившимся»). С другой стороны, и это кажется более важным, многих граждан восточно-европейских стран объединяла общая черта: инфантилизм в том, что касалось личной ответственности за собственную судьбу. Ее частные производные — привычка стоять в строю, едва ли не слепая вера в преимущества социалистической системы, чувство блаженной простоты и ясности мира, иллюзия защищенности в рамках дозволенного свыше. Однако «освобожденный от ответственности человек не мог свободно строить свою жизнь, был лишен многообразия жизненных альтернатив и возможности самовыражения» [9, 73]. Крушение привычного мира, взлет надежд в первые исторические мгновенья начавшейся перестройки и их скорая утрата предопределили неизбежность духовного кризиса. Не без умысла можно сослаться на пример населения восточных земель нынешней Германии. В стране, которая, казалось бы, предоставила «ост-дейче» едва ли не идеальные условия для того, чтобы они могли войти в техногенную цивилизацию, многие из них по-прежнему демонстрируют демобилизацию сил, беспомощность перед явью развитого, здорового и преуспевающего капитализма. Атрофия мобилизационной готовности у восточных немцев — сюжет достойный внимания. В бывших странах государственного социализма людские массы продолжают переживать духовное и моральное раздвоение: одни ностальгически относятся к старым социалистическим порядкам, другие, напротив, едва ли не фанатически поклоняются богу рынка. Эта поляризация тормозит процесс изменений.

Данный тезис убедительно иллюстрируют наши итоговые данные (см. гл.3). Примем во внимание, что 67% населения Санкт-Петербурга разделяет общие коллективистские ориентации в сфере труда. Твердых сторонников индивидуалистических позиций обнаружено 12%. Промежуточные позиции занимают 21% опрошенных. Однако, когда речь заходит о поведении в конкретной ситуации, то восприятие